

В России вышел дебютный роман знаменитого итальянского писателя **Алессандро Барикко** «Замки гнева». Специально для Газеты с Барикко встретилась и побеседовала Маргарита Меклина.

“МОЙ МОЗГ — ЭТО ХРАНИЛИЩЕ ОБРАЗОВ”

Алессандро Барикко — Газете



Алессандро Барикко: «Есть люди, которые выпекают хлеб, а я делаю книги» Фотограф: Эндрю Меклин

Турин. Дом в лесах, где находится Scuola Holden, школа искусств, — именно в ней преподает Алессандро Барикко. Нас проводят в класс со школьной доской, куда через десять минут буднично входит пепельноволосый, кудрявый, шупловатый, чуть выше среднего роста мужчина в черных джинсах и темно-серой футболке «J. Crew». Это и есть Барикко.

Вы, конечно, слышали об американце Дэйве Эггерсе, авторе бестселлера «Душещипательные будни ошеломленного гения», в котором он описывает, как в одиночку растил своего младшего брата, когда оба их родителя скончались от рака. Сейчас он открыл в Сан-Франциско школу творческого письма для непривилегированных детей. Ваша школа похожа на эту?

Не совсем. Наше учебное заведение, многопрофильная школа техники нарратива, впервые заявила о себе семь-восемь лет назад. У нас обучаются студенты с девятнадцати до тридцати лет, намеревающиеся посвятить себя работе в области масс-медиа, развлечений, коммуникаций...

Когда к нам приходит, к примеру, студент, желающий специализироваться исключительно на кино, мы побуждаем его к изучению не только онго, но и рекламы, радио, литературы, музыки, комиксов. В начале года мы набираем тридцать пять человек на двухгодичный курс обучения. Поскольку у нас наличествуют и более короткие программы обучения, в конце года мы насчитываем в общей сумме от двухсот пятидесяти до трехсот студентов. Еще есть вечерние классы, в которые записываются люди с непрофессиональными интересами, заинтересованные, допустим, в мастерстве перевода или в мастерстве написания малой прозы. К примеру, я очень люблю играть на пианино, но я не профессионал. Вот такие же непрофессионалы-любители и записываются в наши ускоренные классы. Также мы организуем встречи со школьниками от пятнадцати до восемнадцати лет, которые и не помышляли о карьере в искусстве. Эти встречи помогают им ознакомиться с новой для себя сферой. Будучи одним из пятерых основателей, я не являюсь руководителем отделения creative writing, как можно было бы подумать. Я всего лишь один из девяноста преподавателей школы. Зато я уделяю много времени бизнесу. К примеру, сегодня у меня должна состояться встреча с главным менеджером, посвященная обсуждению наших финансов.

Вы адресуете свои произведения какой-то определенной аудитории?

Нет, я пишу для обыкновенной, неспециализированной аудитории.

Почему, когда вы говорите о своем собственном творчестве, вы так часто используете выражение «выполнить работу», а не, к примеру, «творить»?

Для меня это работа. Есть люди, которые выпекают хлеб, а я делаю книги. Почти никакого отличия! Когда ты начинаешь книгу, ты полон творческих амбиций, но в результате все равно совершаешь процесс, знакомый любому ремесленнику, работающему с драгоценным камнем, может войти в мистический союз с этим камнем — то же самое происходит и с писателями, когда они заключают мистический союз со словами. Но все начинается с ремесла.

В Турине ходят слухи, что вы теперь живете в Париже...

На самом деле я только что переехал из Турина в Рим и постоянно курсирую между Римом и Туринном, так что я все время куда-то спешу. В Париже я люблю, уединившись, писать. Там у меня есть небольшая квартира, где меня никто не может найти, ибо никому не известен мой парижский адрес и телефон.

Как вы подбираете имена для героев? Как вы замечали, почти никто из них не носит итальянские имена?

Подбор имен требует трепетного отношения. У нас в школе есть даже специальные классы, в которых мы учим, как придумывать имена. Я в основном полагаюсь на звучание имени. Итальянские имена мне не нравятся, и поэтому я их почти не использую. К тому же по моим историям нельзя заключить, где происходит события, а наличие итальянских имен привязало бы их к конкретной стране. В «Новом веке» есть своеобразное преклонение перед писательской работой по избранию имен. Помните, когда нашедший ребенка негр подыскивает ему имя вместе с корабельной командой? Идея имени приходит из нескольких источников... Вначале найденный дают имя обнаружившего его человека, приемного отца Дэнни Будмана, а затем, поскольку младенец был подобран на ящике с лимонами, ему дают имя Т.Д. Лимон (это название компании по продаже лимонов). Потом они понимают, что на слух все равно чего-то недостает, и в результате герой получает имя Дэнни Будман Т.Д. Лимон Тысячадевятисотый, ибо он родился в тысяча девятисотом году. Этот описанный в «Новом веке» процесс называния является своеобразной симуляцией того, что творится в голове писателя в тот момент, когда он создает имя для

«Зачин книги — это всегда какой-то жест, или предложение, или предмет. Какие-то события вдруг потрясают твоё воображение, и ты начинаешь исследование, накручивая повествование на эти детали...»

Алессандро Барикко — Газете

В романе «Море-океан» Бартльбум пишет письма своей будущей, еще не повстречавшейся ему невесте и складывает их в дорожную его сердцу шкатулку. Есть ли у вас такая шкатулка и, если бы она у вас была, кому бы вы адресовали ее содержимое? Нет, у меня ее нет.

Бартльбум пытается найти, где останавливается волна, где кончается океан. Вы думаете, что действительно можно найти этот «конец»? Существует ли он в музыке или искусстве? Я думаю, что, подобно Бартльбуму, мы пытаемся нащупать мгновение, когда что-то приходит к концу. Природа — это тайна, разлитая в воздухе. Изучение ее вовсе не сродни размышлению аллеи дубков. Изучение конца вещей и понятий — это занятие, требующее глубокого копания в этих вещах. Как мы можем сказать, где кончается море? Как мы можем сказать, когда кончается наша любовь? Как мы можем сказать, когда время, которое мы должны провести с детьми, уже истекло? Как мы можем сказать, что подошло к концу время страстей? Мы тараторчим на все эти вещи, пытаемся ухватить за хвост начало или конец чего-то, что приведет нас к интерпретации действительности, гоняемся за чем-то ускользающим и расплывчатым.

Считаете ли вы энциклопедиста Бартльбума вашим альтер эго?

Вовсе нет. Он мое альтер эго не в большей степени, чем какой-либо другой персонаж, которого я сотворил. Несмотря на то что я не идентифицирую себя с Бартльбумом, этого персонажа я люблю больше других. Но я люблю его так же, как любил бы других симпатичных персонажей, выведенных на свет каким-нибудь другим сочинителем книг. В Бартльбуме есть та смесь трагичности и комичности, которая мне очень приятна.

Бартльбум является обладателем своеобразной энциклопедии «пределов», в которую он заносит пределы закатов, рек, листьев... Как насчет слов? Сколько может длиться слово? Где находится «предел» книги?

Писатели должны писать книги с концом. После того как книга написана, для читателя она может длиться практически вечно. Это, разумеется, зависит от того, хорошо книга сделана или нет. Мы должны предоставить читателю полностью завершённый объект. Если книга мастерски сделана, она будет разговаривать с читателями долгое время.

Как вы узнаете, когда книга должна быть закончена?

Это похоже на то, как художник решает, когда он должен нанести на холст последний мазок. Это тайна творчества — если ты не остановишься вовремя, что-то изменится. Что необычно в «Джоконде»? То, что в один прекрасный момент этот парень (Леонардо да Винчи. — Газета) решил: «Все, достаточно, хватит». Один лишний штришок — и картина будет испорчена. Так как сложно понять, когда нужно остановиться, любящая книга либо слишком коротка, либо слишком длинна. В любой картине либо слишком мало, либо слишком много чего-то. Конечно, каждый пытается догадаться, когда нужно остановиться, но редко получается.

Где вы черпаете вдохновение для ваших историй — в путешествиях или книгах?

В прошлом я очень много читал. Впрочем, и сейчас много читаю. Но я не тот человек, что пишет, сидя взаперти в комнате. Литературная работа — это не только интеллектуальное действие. Ткань писательства создана из твоих личных демонов. Куски мира каким-то образом падают в мой собственный бурлящий котел и после этого так вывариваются в нем, что превращаются в нечто принципиально иное. Поэтому вы и не найдете в моих произведениях реальных фактов.

Не так давно в американском журнале «Нью-Йоркер» была напечатана ваша новая вещь про войну, которая в России вышла отдельной книжкой — «Без крови». Молодая женщина, чей отец был убит во время войны, выросши, навещает одного из убийц. Конец этой повести неожиданным образом возмездия, которого совершенно справедливо ожидает убийца, приводит любовь, причем любовь физическая. Почему вы пишете про войну?

Обычно я не вкладываю в понятие «война» никакого особого смысла. За исключением, конечно, моей последней книги «Без крови». Там показан мой личный взгляд на войну. А в любой другой моей книге война — это всегда своеобразный прыжок, неожиданный поворот в чей-то судьбе. Это динамический инструмент истории, который все приводит в движение, к началу, к истокам вещей.

Совсем недавно в продаже появился ваш широко разрекламированный компакт-диск «Air&Baggio», который, похоже, имел успех даже в США...

Если наш компакт-диск удостоился серьезного промоушна, то это не из-за меня, а из-за Air. Поскольку Air, французский дуэт, прославился своим саундтреком к фильму, снятому Софией Копполой. У них есть своя аудитория в США. Фильм назывался «Девственницы-самоубийцы» и был снят по роману Джеффри Энгелидеса. Так что у Air есть аудитория, а у меня, несмотря на наличествующие публикации, ее в США нет, и я должен поблагодарить их за эту рекламу. К тому же я счастлив, что на этом диске записан наш итальянский язык.

Я хотела бы задать вопрос про Бартльбума. Не знаю, правильно ли я произношу фамилию Бартльбум...

Это имя выдуманное, и поэтому каждый может произносить его так, как хочет. Самое главное, что читателю должно нравиться, как оно звучит.

вятся символами. Но я всего лишь рассказываю истории, не пытаюсь вкладывать в них какой-то дополнительный смысл. Когда я думаю о человеке, пересекающем море, я думаю просто о человеке, пересекающем море, и не намереваюсь видеть за этим что-то другое. Мой миф — это хранение образов, которые и дают толчок к написанию какой-то истории.

В «Море-океане» есть любопытный диалог между адмиралом и священником. Падре говорит: «Видите ли, Бог — он повсюду», а адмирал ему возражает: «Море тоже, падре. Море тоже». Здесь вы имеете в виду конфронтацию между Богом и Природой, Богом и Морем?

Да, «Море-океан» — это книга, где наиболее ощутимо религиозное влияние. В конце ее есть даже глава о благословении моря. Действительно, там есть попытка описания связи между морем и providением, морем и божеством. Но отчетливый месседж отсутствует, так что я не смогу вам точно сказать, какая тут связь между Богом и Морем. Как я уже говорил, есть какие-то образы, и можно попытаться их соединить в одно целое, но все это окутано каким-то туманом. Все неясно, нечетко. Читатель должен заштриховать белые пятна и сам устанавливать нужные связи.

Кроме картины «Плот Медузы» Теодора Жерико, ссылаетесь ли вы в «Море-океане» на какие-то другие произведения искусства?

В «Море-океане» рассказана история художника Плассона, который рисует портреты моря, и тут нет отсылки ни к какому другому художнику. Жерико, конечно, является главным силовым центром книги. Он, кстати, специализировался на портретах и получал за это огромные деньги. На самом деле кораблекрушение, гибель плота — это и есть сердце книги и в то же время история, которая произошла на самом деле.

Что касается белого полотна в самом конце, полотна, которое рисует Плассон, то оно вовсе не указывает ни на Раушенберга, ни на Малевича, ни на кого-то еще. Это просто естественное, по моему мнению, завершение книги.

Ваш герой, художник Плассон, выкидывает все свои картины. Когда вы заканчиваете какую-то книгу, значит ли это, что вы выбрасываете мысленно все предыдущие и новая вещь начинается на чистой странице?

Нет, написание книг — это жест, это замах, который длится и никогда не кончается (рисует в воздухе большую дугу, подобную радуге), жест, подразделяющийся на главы-отрезки.

В «Море-океане» один из героев — художник, другой — энциклопедист. Кем вы видите себя, художником или энциклопедистом?

Мадам Деверия из «Моря-океана» говорит, что эти мужчины — просто две половинки, вместе составляющие одного человека. И действительно, Плассон и Бартльбум становятся друзьями, это два характера, которые тесно связаны друг с другом. Жизнь одного невозможна без жизни другого. В моей писательской работе присутствуют оба эти компонента. В книге всегда есть энциклопедический импульс. И если вы коннете достаточно глубоко, то вы его обнаружите. Ведь книга — это желание собрать кусочки знаний и переложить их в удобную для передачи другим людям форму. Но с другой стороны, рождение какого-то текста — это всегда попытка дублировать, это попытка передачи того, что видели твои глаза, или это изображение твоих личных демонов.

На каком острове в случае кораблекрушения вы хотели бы оказаться?

Я хотел бы оказаться на острове, который я хорошо знаю. Это остров Понца, что рядом с Неаполем. Ну еще, возможно, Просида, другой остров, который находится неподалеку от Понзы. Мы, северные итальянцы, всегда хотим обладать тем, чего у нас нет. Так что моя мечта — это не острова в Тихом океане, а юг Италии. Мы, северные итальянцы, просто обладаем южные острова.

газета музыковед от литературы

Алессандро Барикко — итальянский писатель и музыковед — родился в 1958 году. Занимался музыкальной критикой и публиковал серьезную работу о творчестве Россини. В литературе дебютировал с романом «Замки гнева» (1991), получившим премию Кампелло. Книжки «Новый век» (1994), «Шелк» (1996), «City» (1999), «Без крови» (2002) принесли Алессандро Барикко широкую известность не только в Италии, но и за ее пределами. Роман «Шелк» был переведен на 16 языков, включая японский. Но самым крупным успехом отмечен роман «Море-океан» (1993), удостоившийся премий Виареджо и «Палаццо аль Боско». Повесть-монолог «Новый век» (1994) легла в основу фильма «Легенда о пианисте у океана» (реж. Джузеппе Торнаторе). В 1994 году Барикко вместе с несколькими товарищами организовал школу техники нарратива Holden.